

Опубликовано в журнале:

[«НЛО» 2009, №100](#)

УЛЬРИХ ШМИД

Конституция как прием

(риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России)

Ульрих Шмид

КОНСТИТУЦИЯ КАК ПРИЕМ

(риторические и жанровые особенности

основных законов СССР и России)

Россия долго ждала и в конце концов дождалась принятия конституции — уже в XX веке. Попытки создать конституцию предпринимали Екатерина II, Александр I и Александр II — но по причине неудачно складывавшихся политических обстоятельств эти идеи так и не были реализованы¹. Только после революции 1905 года в России появляется первый официальный документ (“Основные законы” 1906 года), напоминающий конституцию, однако и в нем речь шла о сохранении неограниченной власти монарха. Николай II намеренно избегал самого термина “конституция”, чтобы не возникло впечатление, что он собирается проводить коренные государственные реформы². Последний русский император рассматривал любые посягательства на самодержавие как вмешательство в область возложенных на него богом обязанностей управлять Россией — он полагал, что у него нет права делиться своими властными полномочиями с Думой или с Советом министров³. Пример Николая II подтверждает тот факт, что российские конституционные проекты не только являются юридическими текстами, но и следуют определенной дискурсивной идеологии. Эта идеология трансформируется в нарративную структуру, которая обладает особой риторической и жанровой спецификой. Именно риторика и жанр определяют сюжет и конфигурацию героев “конституционного повествования”, рассказывающего об общественно значимых ценностях, о стремлении к благополучию, о должном поведении, наконец, об идеальном обществе.

В приведенных ниже заметках мы попытаемся подвергнуть литературоведческому анализу — заведомо эскизному и неполному — тексты конституций, которые, как мы полагаем, можно прочесть как литературное произведение, проанализировать их риторические приемы и жанровые особенности. За текстами конституций, принятых в СССР и России, стоят характерные “ключевые сюжеты” (master plots), получающие в преамбулах и в отдельных главах Основного закона нарративное оформление. Как и в художественных произведениях, в тексте Конституции мы встречаем положительных и отрицательных героев, опасные ситуации, попытки спасти кого-то или что-то и, конечно, обещание хеппи-энда.

С этой точки зрения конституции являются не только фикцией, лишь частично соответствующей действительности, но и тщательно сконструированным нарративом, который многое говорил о том, как осмысливают действительность его авторы. Правда конституции в таком смысле всегда является правдой *литературной*: она отнюдь не просто отражает действительность, но представляет авторскую интерпретацию действительности.

В XX столетии в России было принято пять конституций, и первые две из них образуют идеологическое целое: революционная Конституция 1918 года и первая Конституция Советского Союза 1924 года. За ними последовали, как известно, сталинская Конституция 1936 года, затем брежневская Конституция 1977 года и, наконец, действующая по сей день Конституция 1993 года, принятая по инициативе Бориса Ельцина⁴. При их рассмотрении возникают два вопроса: во-первых, почему советские вожди вообще прибегли к буржуазной форме конституции для определения основ социалистического государства? Во-вторых, почему тексты конституций изменялись так часто? (Для сравнения: Конституция Соединенных Штатов в своей основе действительна до сих пор в изначальной версии 1787 года.)

На эти вопросы нельзя ответить, оставаясь в пределах только юридического дискурса⁵. Симптоматично, что уже Ленин в 1918 году спешил создать конституцию, призванную представлять нормативную версию большого социалистического общественного проекта. Нарративная сила конституции показалась ему важнее ее буржуазного происхождения. Частую смену конституций можно объяснить тем, что основной нарратив советского конституционного проекта в разные эпохи основательно менялся и требовал уточнения в жанровом и риторическом плане. При этом необходимо обратить внимание на то, что не каждому советскому вождю удавалось превратить свой master plot в конституционное повествование. Известно, например, что усилия Хрущева по разработке новой конституции во времена “оттепели” успехом не увенчались⁶.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ДОБРА СО ЗЛОМ:

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ КОНСТИТУЦИИ 1918 И 1924 ГОДОВ

Характер первой российской Конституции 1918 года и первой общесоюзной Конституции 1924 года полностью определялся риторикой революционной борьбы. Первая Конституция Союза Советских Социалистических Республик рисует в преамбуле почти манихейскую картину мира:

Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма. Там, в лагере капитализма, национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь, в лагере социализма, взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов⁷.

Нет сомнения, что после такого заявления отношения между двумя названными сторонами не могут считаться мирными. Статья 61 обязует государство бороться с “политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом”. Риторика первых конституций в точности воспроизводит риторику распоряжений Ленина времен Гражданской войны. Милитаристский стиль Ленина⁸ оправдывается особой угрозой, исходящей от империалистической буржуазии, для неокрепшего Советского государства. Уже тогда начала складываться парадоксальная аргументационная фигура, используемая впоследствии Сталиным: с одной стороны, враг настолько силен, что позволительны все средства защиты, но, с другой стороны, у врага нет ни единого шанса сломить советскую власть. Двойственная позиция легитимировала любой произвол власти и имела далеко идущие последствия.

Конституция, помимо прочего, служила нарративным оправданием, представлявшим действия правительства как необходимые средства в борьбе со злом. Чтобы лишить эксплуататорские классы их конституционных прав, Ленин прибегал к ловкому риторическому приему. С отсылкой к французской революционной Конституции, начинавшейся с декларации прав человека, первая советская Конституция открывалась “Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа”. Так, главным субъектом советской Конституции являлся не человек или по крайней мере гражданин, но “трудящийся”. Доминирующим жанром, связанным с нарративом борьбы против мирового зла в раннесоветскую эпоху, является драма: две противостоящие стороны сражаются друг с другом. В конце добродетель торжествует не случайно, но по высшей правде.

Эту параллель можно расширить. Текст Конституции 1918 года замечателен реализацией драматических принципов Аристотеля — единством пространства, времени и действия. Так, в пятой главе находим общее содержание основного драматического действия:

Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти⁹.

Последняя формулировка отражает внутреннюю дилемму всех советских конституций. В них содержится определение государства как промежуточной стадии, так как, согласно марксистской теории, это государство должно отмереть, когда будет достигнут следующий этап исторического развития. Драматическая основа Конституций 1918 и 1924 годов оправдывает это переходное состояние. Особенно четко это прослеживается на примере текста Конституции 1924 года, где описывается опасная ситуация, угрожающая существованию советского государства:

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные преуспевания, и свободу национального развития¹⁰.

Риторическое оформление текстов Конституций 1918 и 1924 годов напоминает о роли хора в греческой драме. Ленинская вера в мировую революцию и надежды на повторение октябрьского переворота в масштабах всего мира наделяли читателей первой советской Конституции ролью соучастников исторического спектакля, заставляя их переживать, испытывать катарсис, а в финале быть и вершителями революций в своих странах. Ленин, видевший в Конституции послание всем угнетенным народам мира, долженствующим брать пример с Советской России, так объяснял американскому журналисту ее достоинства: мы “переводим и пропагандируем нашу Советскую конституцию, которая [...] больше нравится, чем “западно-европейская” и американская конституция буржуазно-“демократических” государств¹¹”.

Особенно наглядно выступление “хора” в статьях 20—23 второго раздела Конституции 1918 года, согласно которым *все иностранцы*, относящиеся к рабочему классу, имеют право на российское гражданство¹². Еще более четко это всенародное объединение на российской территории прописано в Конституции 1924 года: “...Доступ в Союз открыт

всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем”¹³. Зрители конституционного действия в тексте — это представители других наций, поддерживающие советский эксперимент.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА ДЛЯ СКАЗОЧНОЙ ЖИЗНИ:

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1936 ГОДА

Сталинская Конституция 1936 года прежде всего была призвана декларировать успехи советского строя. В “Кратком курсе истории ВКП(б)”, целая глава которого была посвящена Конституции, говорилось о том же: проблемы революционной эпохи преодолены, золотой век социализма неминуемо наступит:

В новом социалистическом обществе навсегда исчезли кризисы, нищета, безработица и разорение. Создались условия для зажиточной и культурной жизни всех членов советского общества. [...] Эти глубокие изменения в жизни СССР, эти решающие успехи социализма в СССР получили свое выражение в новой Конституции СССР. [...] Страна Советов получила, таким образом, новую Конституцию, Конституцию победы социализма и рабоче-крестьянской демократии¹⁴.

Известно, что Сталин собственноручно и тщательно отредактировал “Краткий курс”. Обширные куски текста написаны им самим¹⁵. Конституция 1936 года обходится без агрессивной риторики и, соответствуя устному стилю своего “создателя”, медленно и схематически формулирует основы социалистического государства. Сам Сталин прокомментировал новую Конституцию так:

Таким образом, проект новой Конституции представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний. Он является, стало быть, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле¹⁶.

Замечательно, что сталинская Конституция не имела какой-либо преамбулы — подразумевалось, что сказанное в ней не нуждается в каком-либо предупреждении, а описываемое в ней идеальное общество спокойно может гордиться своими достижениями. Сталинская Конституция может быть соотнесена со сказкой, в которой в конечном счете всегда побеждает добро. Жизнь советских людей рисуется в данном случае вполне идиллически. Наряду со священными “обязанностью и правом” на труд Конституция 1936 года позволяет себе гарантировать советскому гражданину также право на отдых. Жители Советского Союза — основные протагонисты этого нового конституционного текста — выступают как счастливые люди: они работают не из обязанности, а потому, что они этого *хотят*, одновременно они могут и наслаждаться свободным временем.

Пространство сказки — это закрытое пространство, не имеющее контактов с внешним миром. Поэтому и Конституция 1936 года призвала стоять на страже сказочного пространства и следить за тем, чтобы никто его не покинул. Статья 125 гарантирует привычные гражданские свободы — свобода слова, печати, свобода собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций. Граждане могут воспользоваться этими правами, однако, лишь “в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя”. Эта важная оговорка не позволяет официальному дискурсу выйти за рамки сталинской сказки:

*Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития*¹⁷.

Радиус действия сказочных героев ограничен, ограничены предписаниями и поступки каждого человека. Сталинское общество — это “закрытое” общество не только в политическом, но и в дискурсивном смысле. Счастье в нем столь же строго регламентировано, как и в сказке. Вне самых общих рамок Конституции счастливой жизни нет и быть не может. В одной из многочисленных официозных книг того времени с поучительным названием “Наша великая родина” сказано так: “Конституция — это основной закон всей нашей общественной и государственной жизни. Строгое соблюдение Конституции обеспечивает процветание и могущество нашей родины, а стало быть, и личное благополучие советских граждан”¹⁸.

Магическое действие сталинской Конституции материализуется уже в типографском оформлении соответствующей книги. На фронтисписе первого официального издания изображен профиль Сталина, подразумевающий, что именно он является ее автором и гарантом (хотя на самом деле основная часть Конституции была написана Николаем Бухариным, расстрелянным в 1938 году)¹⁹. В самом тексте мало следов катехизического стиля Сталина²⁰, но, несмотря на это, Конституция заверялась именно им. При этом наряду с напечатанным текстом, обещавшим сказочное счастье и одновременно оставшимся волшебной выдумкой, существовал и другой, “невидимый” текст, идентифицировавшийся с личностью Сталина и ставший воплощением его заслуг.

В отличие от первой Конституции, в честь которой уже в 1918 году на Советской площади в Москве был воздвигнут памятный обелиск Свободы, Конституция Сталина избирает иной способ самомонументализации. Дух Конституции 1936 года был не столько овеществлен, сколько спиритуализован — как бы развеян в самом воздухе идеологии, претендуя на большую власть, чем сила увековеченного в бронзе слова.

На одной фотографии из альбома, посвященного двадцатилетию СССР (и вышедшего одновременно во Франции, Италии, Германии, Испании, Бельгии, Польше, Югославии, Китае, Швеции и Дании), печатный текст сталинской Конституции нарочито ассоциируется с молодежью, тогда как текст предшествующей ленинской Конституции 1918 года как бы мертвенно окаменел на обелиске.

Дух конституции бессмертен и не нуждается в консервации с помощью такого медиума, как письмо. Действия властей в этом отношении были вполне последовательными: в 1941 году старый обелиск со статуей Свободы был снесен, поскольку свобода уже не являлась центральной ценностью в конституционной сказке, а счастливый путь советских граждан был четко прописан в Основном законе.

Изобразительное искусство конца 1930-х годов также не прошло мимо темы сказочного счастья, гарантированного сталинской Конституцией. Так, особую семантическую структуру имеет фотомонтаж Эль Лисицкого, посвященный принятию Конституции, — целый цикл из четырех выпусков журнала “USSR in construction” (1937)²¹. Сам факт, что Конституция снабжается *иллюстративным* материалом и ее содержание становится поводом для создания *иллюстрированной* книги, демонстрирует положение Конституции в общественном дискурсе. Конституция должна вызывать удивление, подобно сказке. Лисицкий заканчивает свой “лубочный” цикл картиной всеобщего праздника: “Сталинская Конституция — счастье советского народа”²².

Также в качестве примера можно привести фотомонтаж “Молодые люди сравнивают старую Конституцию с новой (1937 год)”²³

ЕВАНГЕЛИЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА:

БРЕЖНЕВСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1977 ГОДА

Сталинская Конституция действовала сорок лет, дольше, чем любая другая в российской истории. В 1977 ее сменила новая, брежневская Конституция. Как и в предыдущих случаях, смена Конституции была связана с официальным провозглашением нового исторического этапа: после шестидесяти лет существования СССР, с точки зрения господствующей идеологии, вошел в так называемую стадию “развитого социализма”.

Новая Конституция 1977 года строилась по примеру марксистско-ленинского понимания истории: Октябрьская революция освободила людей от капиталистического угнетения. СССР находится на пути к коммунизму и даже достиг решающего рубежа социализма. В отличие от предыдущего текста у новой Конституции была преамбула, написанная с явным историческим пафосом:

Одержав победу в гражданской войне, отразив империалистическую интервенцию, Советская власть осуществила глубочайшие социально-экономические преобразования, навсегда покончила с эксплуатацией человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной враждой. Объединение советских республик в Союз ССР преумножило силы и возможности народов страны в строительстве социализма. Утвердилась общественная собственность на средства производства, подлинная демократия для трудящихся масс. Впервые в истории человечества было создано социалистическое общество²⁴.

В 1970-е годы каждому советскому гражданину было ясно, что социалистическое устройство общества не могло удовлетворить даже самые элементарные потребительские запросы. С этой точки зрения новая Конституция была вполне фикциональным и даже квазирелигиозным текстом, имевшим мало общего с действительностью. В этом тексте советское общество движется к воплощению рая на земле, история протекает не произвольно, но по сверхъестественной способности коммунистической партии к “предвидению”.

Наглядный пример одного литературного произведения того времени лучше всего объясняет основной риторический прием Конституции 1977 года. Все, что связано с этим текстом, и даже фигура автора, является фикцией. Речь идет о так называемой мемуарной трилогии Леонида Брежнева — бессменного генерального секретаря ЦК. Эта биографическая эпопея описывает заслуги Брежнева во Второй мировой войне, при строительстве сталелитейных заводов на Украине и при реорганизации сельского хозяйства в Казахстане.

Слухи о том, что Брежнев не является действительным автором этих произведений, стали распространяться довольно скоро²⁵. Таким образом, следуя логике жанра, Брежнев как герой литературного повествования и Брежнев-автор образуют двойную фикцию. Особенно примечательна пассивность протагониста. Брежнев — литературный герой не раз подчеркивает, что на все действия его сподвигла партия, что она его инструктировала и работал он только для нее. Партия преобладает во всем повествовании как главное направляющее начало, само ее присутствие приравнивается к божьему промыслу.

Некоторые случаи проявления “чудес” в жизни Леонида Брежнева в ретроспективе выглядят комично. Так, введение ночной смены в заново выстроенном сталелитейном заводе произошло благодаря вмешательству вездесущей партии:

Приняли мы, помню, решение перейти на работу в две смены. Это давало возможность ускорить строительство, выполнить план. Но, понятно, без освещения вечером работать нельзя. Достать же в области электролампочки было практически невозможно. И вот я решил обратиться с письмом в ЦК ВКП(б) к тов. Жданову. Объяснил положение и попросил помочь прислать три тысячи лампочек. Прошло не более трех дней, и мы получили не только положительный ответ, но и лампочки. Это говорит о том, с каким большим вниманием относился ЦК к каждой даже небольшой просьбе, которая касалась восстановления индустриального гиганта²⁶.

Акцентирование того факта, что лампочки действительно были доставлены, говорит о том, что в реальной жизни описанный случай был бы маловероятен. Брежнев действует, зная, что партия его видит. Иногда повествование прямо напоминает библейский нарратив. Как ветхозаветный бог появляется в неопалимой купине, так и Сталин скрыто присутствует в брежневской трилогии. Его голос слышен благодаря магическим телефонным проводам, и он обращается исключительно к избранным — это постоянный мотив советской агиографии. Священное писание — “Правда” — подкрепляется устным словом. В трилогии Сталин выступает как милосердный и одновременно карающий бог, перед которым верующие должны испытывать благоговение²⁷.

Как и трилогия Брежнева, так и созданная при нем Конституция основываются на священной вере, определяющей уже сегодня контуры светлого будущего. Конституция и мемуарная трилогия являются фикциями, не соответствующими действительности. Они, как изящные конструкции, уводят читателя в псевдорелигиозный мир, обещая спасение. Стиль конституционного повествования также приближается к библейскому. В учебниках подчеркивается простота языка Конституции, которая является как бы новой Нагорной проповедью:

Логичность структуры, четкость формулировок, доступная для понимания словесная форма выражения правовых норм — отличительные черты Конституции СССР 1977 года²⁸.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПЕРФОРМАНС СОВЕТСКИХ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Распад СССР в 1991 году обозначил важнейший рубеж в истории российского общества и культуры. Но нельзя забывать о многочисленных явлениях, связывающих советское и постсоветское время. Постепенный развал Советского Союза, начавшийся в конце 1980-х годов, сопровождается текстуальным разложением брежневской Конституции. Многочисленные изменения, внесенные в нее начиная с 1988 года, уже не предусматривали ведущей роли партии и привилегий для ее членов, но гарантировали частную собственность и созыв Съезда народных депутатов. Был введен пост президента, а государственная структура стала федеральной. Все эти изменения являлись, конечно,

лишь косметическими средствами и не могли предотвратить крушения советской системы.

Текст последней советской Конституции потерял свой авторитет вместе с авторитетом коммунистической партии, так что первоочередной задачей Бориса Ельцина в 1990-е годы было создание новой конституции. К новому тексту предъявлялись старые требования — он призван был воплотить в жизнь новую реальность: Российская Федерация не должна повторить судьбу СССР, на правительственном уровне предусматривалось создание демократических структур, чтобы предотвратить опасность тоталитарного рецидива. Подходящей основой стала французская Конституция генерала де Голля, принятая в 1958 году и действующая до сих пор. Так же как и российская, французская Конституция ведущую роль в государстве отводит президенту и наделяет его весьма широкими полномочиями²⁹.

Литературное прочтение текста действующей российской Конституции высвечивает прежде всего ее хрупкость. Уже в преамбуле сочетаются взаимопротиворечивые утверждения, а цельность текста обеспечивается благодаря пафосу:

*Мы, многонациональный народ Российской Федерации,
соединенные общей судьбой на своей земле,
утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие,
сохраняя исторически сложившееся государственное единство,
исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения
народов,
чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру
в добро и справедливость,
возрождая суверенную государственность России и утверждая
незыблемость ее демократической основы,
стремясь обеспечить благополучие и процветание России,
исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими
поколениями,
сознавая себя частью мирового сообщества,
принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ³⁰.*

В этой преамбуле больше вопросов, чем ответов: что является общим знаменателем для многонационального народа Российской Федерации? Обреченность на общую судьбу на совместной территории? Ассоциируется ли депортация чеченцев и иных народов во время Второй мировой войны с Большим террором 1930-х годов? На чем основывается существование Российской Федерации, если одновременно в ней действительны и принципы единого государства, и постулат о самоопределении народов? Какая родина должна почитаться? Должны ли по отдельности русский любить и уважать Россию вообще (или без национальных республик), татарин — только Татарстан, а чеченец —

Чечню? Или все должны любить только Российскую Федерацию? Почему в тексте превозносится именно вера в добро и справедливость — ценности, бывшие на протяжении более семидесяти лет истории СССР лишь иллюзией и исторической утопией?

Самым важным признаком действующей Конституции является ее пафос, проявляющийся уже в самом начале. Во второй статье дается определение наивысшей конституционной ценности — достоинства человека. Эта формулировка напоминает известную статью № 1 Основного закона Германии, принятого после крушения нацистского режима (“Die Würde des Menschen ist unantastbar” — “Достоинство человека неприкосновенно”):

*Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства*³¹.

Чаще всего этот пассаж интерпретируется как дистанцирование от советской юридической традиции, пренебрегавшей личными свободами человека. Но точнее было бы интерпретировать его преклонение перед человеческим достоинством в рамках все той же советской традиции конституционного повествования. Человек или, точнее, создание нового человека всегда являлось центральной задачей коммунистической идеологии. Поэтому тот факт, что в новой конституции человек опять является центральным персонажем, нужно понимать скорее как продолжение традиции, а не как перелом.

Конституция 1993 года воспроизводит ценностные элементы, взятые из первоначального контекста, но нагруженные усиленным пафосом. Она возобновляет требование правильного поведения, которое напоминает сталинский идеал культурности³². Одновременно российская Конституция признает общие нормы прав человека и нормы международного права. Индивид помещен в систему норм, имеющих разное идеологическое происхождение. Параллельное действие норм, созданных в разные исторические эпохи, позволяет сравнить российскую Конституцию с концептуалистским перформансом и культурными экспериментами 1990-х годов. Очевидное сходство подтверждается основной идеей: концептуалисты были в восторге от избыточной пафосности советской культуры и идеологии. Они преобразовали эту избыточность в эстетическую энергию, оказывающую сильное влияние на зрителя. Ельцинская Конституция апеллирует к гражданам и демонстрирует с помощью повышенного риторического напряжения, что все обещания предыдущих конституций наконец выполняются. Основной проблемой Конституции 1993 года является, однако, то, что в ее распоряжении остается все тот же языковой материал, те же изношенные формулировки, встречавшиеся в дискредитированных советских конституциях. Инновативность, на которую претендует Конституция 1993 года, может быть достигнута разве что с помощью еще большего пафоса, так как жанровые формы сказки и Евангелия превзойти сложно. Поэтому остается один выход — перформанс, позволяющий посредством самоинсценирования реализовать свою риторическую цель.

Нарративная структура Конституции 1993 года прослеживается лучше всего в сравнении с автобиографией самого Ельцина, написанной еще в 1989 году. Конституция является пространством для приключений, в котором положительный герой непременно должен себя зарекомендовать. В своей автобиографии Ельцин поясняет, что он сам является идеальным прототипом героя, способным реализовать конституционную действительность. В “Исповеди на заданную тему” Ельцин рассказывает о своих жизненных ценностях, включающих в себя как элементы коммунистической морали, так и капиталистические установки:

Вообще, мой стиль работы называли жестким. И это правда. Я требовал от людей четкой дисциплины и выполнения данного слова. [...] Кто лучше работает, тот лучше живет, больше ценится. [...] Эти ясные, понятные отношения создавали, мне кажется, человеческий, доверительный климат в коллективе³³.

Автобиография Ельцина состоит в основном из перечисления мест его работы, на которых он боролся с коррупцией, халатным отношением и мафиозными структурами. Ответственность, возлагаемая согласно статьям 80—93 Конституции на президента, действительно предполагает, что это будет человек с исключительными, незаурядными качествами:

Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти³⁴.

Некоторая избыточная риторика этого пассажа подтверждает тот факт, что Конституция не только регулирует властные полномочия президента, но и сочетает в себе максимальное количество ключевых слов конституционного дискурса, чтобы текстуально укрепить свое фундаментальное значение. Так, если президент является гарантом Конституции, то он одновременно является и гарантом основных прав человека и гражданских свобод, составляющих неотъемлемую часть Основного закона. Но эти очевидные факты еще раз повторяются, чтобы акцентировать концептуальную самоинсценировку конституционного текста.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НАРРАТИВЫ

И “ЗАКРЫТОЕ” ОБЩЕСТВО

Жанровая детерминация текстов конституций, принятых в XX веке в СССР и России, очевидна. И хотя они создавались в разные исторические эпохи, в них используется *одна и та же* лексика, отсылающая, однако, к разным идеологическим основам. Преамбулы разных конституций обозначают семантическое пространство, в котором разворачивается действие, соответственно, драмы, сказки, Евангелия или перформанса. Жанр и содержание текстов конституций определяют друг друга.

К конституционным текстам, на наш взгляд, применима теория речевых жанров позднего Бахтина. Жанры — это своего рода срезы художественного восприятия мира, сочетающие в себе слепоту и пронизательность. Каждый жанр является идеологической системой, где предпочитают или маргинализируются те или иные возможности действия. Поэтому один и тот же герой может в одном жанре быть успешным, а в другом погибнуть³⁵.

Конституции обозначают собой литературный мир, который ждет прихода героя. Исключение составляет президент Российской Федерации, которому в Конституции 1993 года посвящена отдельная глава. Но и в других вариантах эти герои, “персонафикаторы”, всегда ясны — Ленин, Сталин, Брежнев. Благодаря тщательной инсценировке эти имена всегда связываются с определенным конституционным повествованием. Именно тогда, когда происходит смена поколений, возникает необходимость новой конституции.

Решающим критерием является выбор литературного жанра, наиболее соответствующего новому герою и убедительнее всего повествующего о победоносном исходе действия. После долгих и бесплодных дискуссий XVIII—XIX столетий в XX веке конституции в России менялись с необыкновенной быстротой. Но и этот факт не делает русское общество “открытым”. Конституции, принятые в России на протяжении почти ста лет, на деле служили и служат лишь обеспечению властных гарантий правителей, а не регулированию политических или правовых процессов. В терминологии Бахтина, все конституционные повествования отражают характер лидеров государства, делают из них литературных героев. Именно это свойство является характерным признаком “закрытого” общества — оно зависит от персонифицированной власти и героических повествований, в то время как в “открытом” обществе Основной закон, в частности, регулирует систему доступа к государственным должностям, но при этом отделяет человека от его административной функции.

Российская действительность еще далека от действительности конституционной. Идеология все еще довлеет праву³⁶. Только когда Основной закон будет гарантироваться не одним человеком — президентом, но целой системой независимых правовых институтов, он может дать основания для создания в России гражданского общества.

1) Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000.

2) *Szeftel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906. Political Institutions of the Duma Monarchy. Bruxelles, 1976. P. 26.

3

) *Hosking G.A.* The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma, 1907—1914. Cambridge, 1973. P. 7.

4) См.: *Цаплин А. М.* История российских конституций: от 1918 г. до 1993 г. М., 1997. — *Примеч. ред.*

5) *Hazard J.N.* A Constitution for “Developed Socialism” // Soviet Law After Stalin. Part II. Social Engineering Through Law / Donald D. Barry, George Ginsburgs, Peter Maggs (

Eds.). Alphen aan den Rijn, 1978. P. 1—34 (здесь — P. 5).

6) *Ginsburgs G.* Krushchev Constitution for the Soviet Union. Projects and Prospects // Osteuropa Recht. 1962. № 8. S. 191—214; *Unger*

A.L. Constitutional Development in the USSR. A Guide to the Soviet Constitutions. London, 1981. P. 173—177 (см. также недавние публикации: “Утаенная Конституция” Никиты Хрущева: Стенограммы заседаний Конституционной комиссии. 1962—1964 годов / Публикация и предисловие А.А. Данилова // Исторический архив. 1997. № 1. С. 40—53; *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Неизвестный конституционный проект (О разработке Основного закона страны в 1962—1964 гг.) // Государство и право. 2002. № 1. С. 84—89. — *Примеч. ред., с благодарностью Н. Митрохину за указание на источники).*

- 7) История советской конституции: Сборник документов 1917—1957. М., 1957. С. 226.
- 8) *Ленин В.И.* Неизвестные документы, 1891—1922. М., 1999. С. 246.
- 9) История советской конституции. С. 76—78.
- 10) Там же. С. 226.
- 11) *Ленин В.И.* Ответы на вопросы американского журналиста // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М., 1970. С. 3.
- 12) История советской конституции. С. 79.
- 13) Там же. С. 227.
- 14) История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 329—331.
- 15) *Медведев Р.* Сталин и “Краткий курс истории ВКП(б)” // Медведев Р. Что читал Сталин? Люди и книги. Писатель и книга в тоталитарном обществе. М., 2005. С. 196—248.
- 16) *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 119—147, 126—127.
- 17) Статья 130 (цит. по: История советской конституции / Сборник документов 1917—1957. М., 1957. С. 358).
- 18) Наша великая родина. М., 1949. С. 402.
- 19) *Фельштинский Ю.* Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) // Ларина А.М. Незабываемое. М., 1993. С. 17; *Hedeler W.* Bucharin. Mainz, 1993. S. 108.
- 20) *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 127.
- 21) *Margolin V.* The Struggle for Utopia: Rodchenko, Lissitzky, Moholy-Nagy, 1917—1946. Chicago, 1997. P. 199.
- 22) USSR in construction. [Moscow], 1937. P. 9—12.
- 23) 20 Jahre Sowjetunion. 1917—1937. Basel, 1937. S. 189.
- 24) Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1978. С. 7 (о подготовке Конституции 1977 г. (см. хронологическую справку А.И. Лукьянова (http://www.constitution.garant.ru/DOC_3001.htm) и статью: *Злоказов Г.И.* Конституция СССР 1977 года: “несвоевременные мысли” современников // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. — *Примеч. ред.*).

25) *Дедков И.* Обессоленное время: Из дневниковых записей 1976—1980 годов // Новый мир. 1998. № 6. С. 146—179.

26) *Брежнев Л.И.* Возрождение М., 1978. С. 23.

27) Там же. С. 24.

28) *Портнов В.И., Славин М.М.* Этапы развития советской Конституции (историко-правовое исследование). М., 1982. С

. 217.

29

) *Steinsdorff S. von.* Die Verfassungsgenese der Zweiten Russischen und der Fünften Französischen Republik im Vergleich // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 26 Jg. 1995. Н. 3. S. 486—504.

30) *Кудрявцев Ю.В.* Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1996. С. 11.

31

) Там же. С. 19.

32) *Volkov V.* The Concept of Kul'turnost': Notes on the Stalinist Civilizing Process // Stalinism. New Directions / Ed. Sheila Fitzpatrick. London, 2000.

P. 210—230.

33) *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. Л., 1990. С. 42.

34) *Кудрявцев Ю.В.* Комментарий к Конституции Российской Федерации. С

. 362.

35) *Morson G.S., Emerson C.* Mikhail Bakhtin. Creation of a prosaics. Stanford

, 1990. P. 275—277.

36) *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 553.